

СОБЕСЕДНИК

Где найти «ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК»

Сергей Мартинсон — о жизни и театральном искусстве

Он небольшими быстрыми шажками заходит в ресторан Дома актера ВТО, садится, как правило, за один и тот же столик, заказывает обед и с интересом разглядывает присутствующих. Одному улыбается, другого приветствует легким кивком, на третьего смотрит, чуть прищурившись, словно вспоминая, где и когда он видел этого человека. К нему подходят многие — молодые, средних лет, старики. Знакомые и незнакомые.

— Смотри, Мартинсон...

Это «смотри, Мартинсон...» преследует актера добрых шесть десятков лет, чуть ли не с первого его выхода на сцену или появления на экране.

— Однажды попав в театр, я навсегда влюбился в него, — вспоминает Сергей Александрович. — Позже стал играть в любительских спектаклях, сам ставил их.

Потом была короткая учеба в Технологическом институте, Красная Армия, где будущий актер красноармеец Мартинсон был назначен инструктором политотдела... В 20-м — незабываемое: участие в массовом театрализованном действе «Штурм Зимнего дворца»...

Он вспоминает, а мне в диковинку, что вот так запросто сижу да слушаю человека, о работах которого не раз восторженно отзывались лучшие наши критики. Коллеги за рубежом сравнивали его творчество с искусством великого Ч. Чаплина.

Впрочем, имена Ч. Чаплина и С. Мартинсона соседствовали и в других отзывах — в частности в печально-знаменитом «черном списке» Гитлера, в который актер попал после исполнения им роли бесноватого фюрера в фильме «Новые похождения Швейка», снятого в первые годы войны...

— Попробуйте, — прошу его, — сравнить сегодняшний театр с тем, что был в пору вашей молодости.

— Ну тут мало что общего найдешь... Я ни в коей мере не ропщу по-стариковски, но, ка-

жется, в пору моей молодости, да и позже театр был более ярким, в нем было больше собственнотворно театра, больше выдумки, озорства, неповторимого сочинительства актеров и режиссеров. Театр — суть, искусство, природа этого понятия не терпит однообразия... Должна быть фантазия, яркая, причудливая... Настоящего художника должны отличать мировоззрение, концепция, принципиальный взгляд на событие, образ, проблему, но должна быть также и яркая форма, в которую художник «одевает» концепцию. Должно быть единство мысли и формы. Другое дело — не надо форму делать самоцелью, никогда не следует забывать о том, что искусство — категория, которая должна отвечать человеческому идеалу, помогать людям в отыскании этого идеала...

Но есть и то, что объединяет годы моей молодости с нынешними временами театра. Это зритель. Его неугасимый интерес к феномену театра.

— Вы очень часто употребляете слово «театр», между тем всенародная известность и признание пришли не к театральному, а к киноактеру Мартинсону...

— Я считаю себя актером театра и, как мне кажется, лучшие свои роли сыграл именно на сцене. Всю свою жизнь исповедовал и исповедую принципы театральной игры — с той условностью, которую всегда надо оправдывать своим существованием на сцене. Со всеми ее атрибутами — гримом, костюмом и так далее. В кино грим, например, играет не малую роль, но, как мне кажется, применяется в основном больше для нужд... оператора. Особенно теперь, когда в большом ходу цветной кинематограф. Мне же всегда был очень по душе этот процесс — поиск грима, пластики, манеры речи, голоса... Актеров, которые уделяют ныне этому внимание, по пальцам можно пересчитать.

Вспоминаю в этой связи, как в 38-м году пробовался в Пугачко на роль Дуремара в «Золотом

ключике». К слову сказать, Дуремар был и остается моей любимейшей ролью в кино... Так вот, первая проба длилась с десяти утра до двенадцати ночи. Вторая проба заняла уже меньше времени — восемь часов... Искали грим, характерность. И то, что потом было на экране, очень понравилось Алексею Николаевичу Толстому. Он часто бывал на съемках и призывал нас больше сочинять Дуремара, придумывать его. «Одно дело, — говорил писатель, — сочинить образ на бумаге, и совсем другое — создать зримый образ...»

— Когда речь заходит о Мартинсоне, появляются улыбки. Почему вспоминается смешное?

— Странно... Никогда не считал себя комедийным актером. Впрочем... что такое — «смешно»? Почему — «смешно»? Когда — «смешно»? Я всегда, если, конечно, был к тому повод, пытался выявить, обнажить эту несообразность. Вообще же должен заметить, что комик — это не только тот, кто умеет смешить, вообще смешить, но тот, кто способен с другими посмеяться над душевным уродством. Способен обнажить это уродство, его социальную, если хотите, опасность. Раньше зрители, увидя на афише слово «кинокомедия», были убеждены, что это смешно. Теперь же они чаще лишь надеются на это.

— В вашем творчестве практически отсутствуют лирические мотивы.

— Да, это правда. Пел, танцевал, а вот любить, увы, не пришлось. Ни мне кого-то, ни меня кому-то. Я вам больше скажу: даже не помню, чтобы меня хоть раз поцеловали на сцене или экране. Так и остался в искусстве... нецелованным.

— Но ведь это же страшно: несколько десятилетий — и без любви!

— Зато я любил, и искренне... за кадром. А это куда интереснее, потому что не приходилось играть.

Беседу вел
Л. ДНЕПРОВСКИЙ.